

ЧАСТЬ I

Глава 1

ДУМА И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Общественные организации. — Общественные организации и политические партии. — Революция и отношение к войне. — Рабочие группы военно-промышленных комитетов.

§ 1. Общественные организации¹.

Когда началась Первая мировая война, затянувшийся конституционный кризис — результат уступок, на которые пошло самодержавие осенью 1905 г., и попытки отменить некоторые из них в 1907 г., — не был еще устранен². Большинство Четвертой Думы, избранной в сентябре—октябре 1912 г., хотело сотрудничать с правительством в разработке законодательства. Но либеральная оппозиция не могла примириться с тем, что парламент, который может контролировать и вводить законодательные меры, не имеет права вмешиваться в административные распоряжения исполнительной власти. Дума не располагала реальными средствами контроля над действиями правительства, не имела права вмешиваться в назначения министров.

Совет министров не был «кабинетом» парламентских государств Европы. Отдельные министры, назначаемые непосредственно монархом и ответственные исключительно перед ним, были независимыми главами соответствующих министерств. Они не несли ответственности ни перед председателем Совета министров, ни перед самим Советом. Последний был лишь координационным комитетом, а не органом, осуществляющим политическую программу, одобренную министрами. На любом заседании министры могли узнать, и часто узнавали, что один из их коллег был уволен государем от должности и заменен кем-то другим.

Либералы всегда протестовали против этой практики и, с момента созыва Первой Думы, не упускали случая заявить, что исполнительная власть должна быть ответственна перед парламентом. Это требование высказывалось в первую очередь конституционно-демократической партией, так называемыми кадетами, неоспоримым лидером которых был в 1914 году П.Н. Милюков. Но в Четвертой Думе кадеты были в оппозиции против правого большинства, состоявшего из умеренно правых

октябристов. Октябристы, во главе с А.И. Гучковым, членом Государственного Совета (т.е. верхней палаты), представляли, главным образом, землевладельцев; они не отрицали, что конституция нуждается в серьезных поправках, но пока готовы были использовать те урезанные ее формы, которые были налицо. Их устраивало сотрудничество с правительством в законодательной области при одновременно широко используемом праве парламентских запросов. Министры могли, по своему усмотрению, отвечать на такие запросы или их игнорировать.

Война вовлекла в решение задач государственной важности массу людей и учреждений, но это не сгладило конфликта между правительством и обществом. Поддержка, оказанная Думой 26 июля 1914 года правительству в его решении вести войну, создала ложное впечатление национального единства. Казалось, что после крупных стихийных промонархических народных демонстраций, состоявшихся как в обеих столицах, так и в провинции, начнется затишье во внутренней борьбе. Дума почти единогласно³ проголосовала необходимые военные кредиты и была распущена. Она не созывалась, за исключением нескольких дней в январе 1915 года, до весьма важной летней сессии 1915 года.

Думе, бывшей чисто законодательным органом, в это время почти нечего было делать. Долговременные законодательные проекты были отложены на время войны, а очередные распоряжения выпускались правительственными ведомствами по «закону чрезвычайного положения». Казалось бы, политическое перемирие должно было способствовать укреплению авторитета правительства, но этого не случилось, так как 26 июля думские либералы предложили правительству не свободу от парламентского контроля, а лояльное и деятельное сотрудничество в ведении войны. У самой Думы не было для этого подходящего аппарата, но существовали органы местного самоуправления — земства и городские управы, с помощью которых либералы могли работать, поддерживая бюрократический аппарат или соперничая с ним.

Земства были формой местного самоуправления, введенной в 1864 году одновременно с введением представительных начал в самоуправление городов. С тех пор либералы стали смотреть на эти учреждения как на семя, из которого должно было вырасти представительное правительство России. Требование парламентского строя выражалось во второй половине XIX века такими формулами, как «завершение реформ, давших России земские учреждения», или «увенчание реформ царствования Александра II». В период, непосредственно предшествовавший учреждению в 1906 году Думы, внутри земств и вокруг них формировались легальные политические партии, такие, как кадетская и партия октябристов. Влияние земств в русской

политической жизни усилилось в период русско-японской войны 1904–1905 годов, благодаря помощи, оказанной ими Красному Кресту в работе по облегчению участи раненых и больных солдат, эвакуированных из прифронтовой зоны. Опыт русско-японской войны послужил стимулом, и когда началась война 1914 года, земские и городские союзы возобновили попытки добиться политического первенства. А так как на этот раз масштабы их деятельности, как и возможности, которыми они располагали, а также значительность их вклада сильно превзошли все, что они собой представляли в 1904–1905 году, то и политические их амбиции резко возросли.

Воспоминания о сотрудничестве органов местного самоуправления с петербургской бюрократией в 1904–1905 гг. не были приятны ни для одной из сторон, и все же, когда вспыхнула мировая война, обращение правительства к доброй воле земств и городских управ было так же неизбежно, как и готовность последних с энтузиазмом откликнуться на него. Хотя Россия и была «полицейским государством», но управлялась она слабо, и правительство просто не имело в своем распоряжении никаких средств, чтобы мобилизовать в короткий срок огромные национальные ресурсы, размеры которых оно не всегда даже могло оценить.

Мобилизация огромных масс новобранцев и запасников, тяжелые первые недели войны создали непосильную нагрузку для медицинских служб армии и аппарата снабжения. Таким образом, организация госпиталей и распределение в войсках предметов личного потребления стали первыми обязанностями, которые взяли на себя городские управы и земства.

В этой деятельности они пересекались не только с государственной администрацией и обществом Красного Креста, но и с частными благотворителями. Разумеется, правительство предпочло бы уравнивать их деятельность с деятельностью последних, но органы местного самоуправления совсем не так представляли себе свою роль. Кроме того, такой статус не соответствовал общенациональным масштабам их работы.

Вдобавок к работе по снабжению и медицинскому обслуживанию армии общественные организации — как мы впредь будем называть земства и городские управы — вскоре столкнулись с непредвиденными затруднениями, связанными с потоком беженцев и эвакуированных с занятых неприятелем территорий и из прифронтовых областей. Общественные организации расширили свою деятельность и, кроме предоставления крова и пищи, стали оказывать юридическую помощь как беженцам, так и семьям военнослужащих: они помогали им в получении пособий, пенсий и т. д. Они сотрудничали с частными организациями, особенно с различными

комитетами помощи еврейскому населению, насильственно выселенному из «черты оседлости».

Очень скоро стало очевидно, что общественные организации стали основным покупателем целого ряда товаров, необходимых для снабжения армии. Это заставило их сделать следующий шаг и самим организовать производство, так что к 1916 году число снабжающих армию заводов и мастерских, которые управлялись объединенным Комитетом Союза земств и городов, превышало две тысячи.

Чтобы справиться со всеми этими задачами в масштабах страны, земства и городские управы образовали в самом начале войны, прибегая к практике, уже испробованной во время русско-японской войны 1904–1905 года, всероссийские союзы. Это были чисто добровольные объединения земств и городских управ отдельных губерний и городов, созданные для совместной планомерной работы под руководством главных управлений в Москве. Они были созданы силами общественности, не по указке и без разрешения правительства, но постепенно их стали официально признавать, и когда в 1915 году, по царскому указу, были учреждены Особые Совещания по обороне, общественные организации были в них представлены⁴.

Таким образом, Всероссийский Союз Земств и Городов стал мощным фактором российской общественной жизни. Он предоставлял работу тысячам людей, оперировал огромными суммами и занимался частными делами миллионов российских граждан. Но ни у земств, ни у городских управ не было достаточных материальных средств, чтобы вести такую грандиозную работу, так что с самого начала они в большой мере зависели от государственных дотаций. Поначалу контроль над расходами был предоставлен самим общественным организациям и проводился с помощью их собственных бухгалтерских и ревизионных систем. Позже, когда отношения с правительством окончательно испортились и обе стороны перестали скупиться на брань, правительство и общественные организации обвиняли друг друга в коррупции и растратах. Были созданы особые комитеты для контроля над государственными фондами, отпускаемыми этим организациям, что, как мы увидим, привело к дополнительным трениям.

В мае 1915 года образовалась третья общенациональная общественная организация, ставшая не менее могучим политическим фактором, чем две первых. В апреле–мае 1915 стало известно, что армия страдает от недостатка оружия и боеприпасов, начали поговаривать о том, что правительство не умеет использовать богатств России. 26 мая в Петрограде состоялось совещание промышленников. Громовую речь произнес П.П. Рябушинский, который рассказал о впечатлении,

вынесенном из недавней поездки в действующую армию, он считал, что промышленники сами должны организовать производство оружия и боеприпасов. Была принята резолюция о образовании военно-промышленных комитетов в каждой губернии и о создании Центрального военно-промышленного комитета для координации деятельности губернских комитетов.

Центральный военно-промышленный комитет должен был выяснять нужды армии, устанавливать очередность и передавать заказы губернским комитетам, которые, в свою очередь, передают заказы заводам и принимают меры для обеспечения их сырьем и рабочей силой. Сразу же после образования военно-промышленных комитетов в Петрограде было созвано совещание, избравшее председателем Центрального военно-промышленного комитета А.И. Гучкова, а его заместителем — московского промышленника А.И. Коновалова.

Гучков принял экстренные меры, чтобы добиться официального признания новообразованного комитета. С помощью личного друга, генерала А.А. Поливанова, ставшего в июне 1915 года военным министром, он добился утверждения правительством устава новой организации. Он даже принял участие в одном из касающихся этого вопроса заседаний Совета министров. Новая общественная организация, подобно остальным, обеспечила себе представительство в различных Особых Совещаниях по обороне.

§ 2. Общественные организации и политические партии.

Три существовавшие организации — Союз земств, Союз городов и Центральный военно-промышленный комитет — так и не слились в одно целое, хотя в 1917 году Союз земств и Союз городов объединились в так называемый Земгор. До тех пор все три сохраняли свою обособленность: каждая из организаций проводила свои собственные съезды и совещания, их политические резолюции в определенной степени различались, их отношение к правительству и к Думе было различным. И все же у них была единая политическая цель: считая, что правительство не в состоянии выиграть войну и что только общественные организации могут улучшить положение, они требовали «правительства народного доверия», то есть правительства, которое будет опираться на них и в более или менее официальном порядке отчитываться перед «народом», то есть перед Государственной Думой.

Общность политической цели усиливалась географическим и личным факторами. Администрация всех трех организаций опиралась на Москву⁵. С тех самых

пор, как, по словам Пушкина, «померкла старая Москва, как перед новою царицей порфиноносная вдова», древняя русская столица стала центром оппозиционных настроений, направленных против петербургской бюрократии. В XIX веке эта оппозиция принимала форму либо славянофильского либерализма, основанного на романтическом понимании специфически русской правды, либо радикализма западнического типа, связанного с либеральными и радикальными традициями Запада. В десятилетие, предшествовавшее революции, Москва стала центром деятельности конституционных демократов — кадетов. Собрания, встречи и совещания проводились в домах у аристократов (таких, как князья Петр и Павел Долгоруковы) и у промышленных тузов купеческого сословия (например, у Рябушинского и Коновалова), предпочитавших Москву Петербургу. С помощью профессоров Московского университета составлялись программы российских либеральных партий и разрабатывалась политическая тактика. Эти интеллигентские, промышленные, купеческие и артистические московские круги всегда гордились своей независимостью от петербургского духа бюрократического формализма и придворного низкопоклонства.

Даже церковная жизнь Москвы резко отличалась от церковной жизни петровской столицы. У Москвы было свое благочестие, была древняя традиция именитых купеческих семей, московские церкви резко отличались от витиеватого барокко и ампира петербургских соборов. Москва была средоточием надежд на русское религиозное возрождение. Эти надежды были связаны с идеей восстановления патриаршества и с призрачной мечтой о народной теократии. Московский патриотизм и московский монархизм тоже отличались от петербургского. Различия стиля и традиций обеих столиц способствовали постепенному отчуждению царя Николая II от его подданных. Во время официальных приемов в Москве императрица Александра Федоровна с трудом приравнивалась к местным московским традициям и чувствовала себя несвободно. Она часто, не желая того, оскорбляла чувства москвичей и постепенно стала испытывать неприязнь к московскому образу жизни. И правда, после трагедии на Ходынском поле во время коронации, когда сотни людей были раздавлены бешеным натиском толпы, почти не проходило посещения без какой-либо неловкости или инцидента, возникавших из-за отсутствия у императрицы расположения к москвичам и понимания их чувств. Поэтому лидеры общественных организаций нашли в Москве особо благоприятную почву для сопротивления бюрократическому контролю и для вызова петроградским властям.

Руководители всех трех организаций не только были тесно связаны лично, но на протяжении последних двух десятилетий работали в одних и тех же организациях и союзах. Князь Г.Е. Львов, ставший впоследствии главой Временного правительства, был одновременно председателем Всероссийского Союза земств, членом Центрального военно-промышленного комитета и заместителем председателя московского военно-промышленного комитета. Московский городской голова М.В. Челноков, глава Союза городов, был членом центрального комитета Всероссийского Союза земств и заместителем председателя московского военно-промышленного комитета. Председатель Центрального военно-промышленного комитета А.И. Гучков работал в начале войны уполномоченным Красного Креста от Союза земств. Его заместитель Коновалов был тесно связан с работой Союза городов. К середине 1915 года сотрудничество между всеми тремя организациями стало настолько тесным, что князь Львов мог по праву утверждать:

Главные комитеты всероссийского земского и городского союзов слились в одну организацию, московский военно-промышленный комитет идет рука об руку с ними, и мы не только согласуем свою работу, мы работаем вместе на началах равенства и доверия⁶.

Лидеры общественных организаций не все были членами одной и той же политической партии. Князь Львов, как и Челноков, был кадет, в то время как Гучков был одним из основателей партии октябристов. Коновалов принадлежал к «Прогрессивной партии», находившейся где-то между октябристами и кадетами. Однако эти партийные различия, продолжавшие играть роль в Думе даже после образования, в августе 1915 года, коалиции оппозиционных партий, известной под названием «Прогрессивного блока», не имели большого значения для работы общественных организаций.

Общественные организации не преследовали прямых политических целей и настаивали на том, что, требуя правительства, ответственного перед законодательными органами или пользующегося их доверием, они не ведут политической игры, а добиваются того, что уже давно было признано национальной и исторической необходимостью. Согласно их официальным заявлениям, они не могли успешно вести порученное им дело без конституционных реформ. Поэтому общественные организации полностью поддерживали на своих собраниях и съездах требование конституционных реформ, выдвигаемое Прогрессивным блоком, настаивая на том, что это их патриотический долг.

Это был чрезвычайно важный пункт, так как тут особое ударение ставилось на отношения общественных организаций с армией. Дума не могла обращаться к военным за политической поддержкой, ибо это противоречило принципу армейского нейтралитета. Нарушение его могло лишить думских политиков сочувствия военных. Общественные же организации находились в ином положении. Состояние армии и ее боеспособность в большой мере зависели от их работы. Это понимали не только генералы на фронте, но и само правительство, даже в то время, когда отношения между общественными организациями и петроградской администрацией были наихудшими⁷.

Думские фракции, образовавшие летом 1915 года Прогрессивный блок с целью требовать конституционных реформ, видели все преимущества поддержки, которую могли оказать им общественные организации в достижении их политической цели. И все же ошибкой было бы думать, что общественные организации, или по меньшей мере их лидеры, считали себя орудием в руках Думы. В каком-то смысле их положение было гораздо устойчивее, чем положение Думы. Дума была связана правилами, остававшимися в силе в течение нескольких сессий, ее дела велись гласно, тогда как общественные организации не были ничем связаны. Они нередко устраивали частные совещания и в своей критике правительства заходили дальше, чем оппозиционные партии Думы. Заговоры и планы дворцовых переворотов разрабатывались в течение 1916 года не в думской среде, а в московских комитетах общественных организаций.

§ 3. Революция и отношение к войне.

Думские лидеры, за исключением тех, кто принадлежал к революционным партиям (т.е. левые социалисты, социал-демократы и «трудовики»),⁸ никогда полностью не переходили на сторону революции. Они часто сдерживали политическую активность московских общественных организаций. Так, В.И. Гурко, член Государственного Совета, пишет в своих воспоминаниях, что князь Львов и Челноков присутствовали на заседании Прогрессивного блока в Петрограде в январе 1917 года и выразили мнение, что Россия не может победить при существующем режиме и что ее единственное спасение в революции. Это мнение не встретило сочувствия: петроградские члены Прогрессивного блока открыто заявили, что пойти на революцию во время войны — значит стать изменником родины⁹.

Лидер думских кадетов, П.Н. Милюков, был главной силой, сдерживающей революционные тенденции среди либералов. На протяжении всей войны и до самой Февральской революции Милюков упорно выступал, как в самой Думе, так и вне ее,

против любых революционных или неконституционных действий, имеющих целью смену режима, которой он сам так страстно желал. Он боялся, что в условиях войны революция приведет к анархии и крушению парламентских институтов. А вне парламентаризма он не видел будущего ни для себя лично, ни для своей партии, ни для либеральной оппозиции в целом. Позиция Милюкова подвергалась нападкам и со стороны членов думской фракции кадетов, и на собраниях и совещаниях по обсуждению партийной тактики вне Думы. Ход мыслей Милюкова прослеживается в его упоминании о Выборгском воззвании, неудавшейся демонстративной акции, которую в 1906 году, после роспуска Первой Думы, инспирировали кадеты¹⁰. Но более, чем таких демонстраций, Милюков боялся «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», — эти слова Пушкина Милюков, как предостережение, напомнил своим партийным коллегам в 1916 году¹¹.

Существовали, однако, и позитивные факторы, определившие позицию Милюкова. Короткий период «национального единства», который начался на думской сессии 26 июля 1914 года, дал Милюкову возможность сблизиться с думскими партиями правее кадетов и выработать общую программу, с которой могли согласиться все эти партии и которая, как тогда надеялись, сможет найти поддержку у либеральных членов Совета министров. Переговоры об образовании такой новой коалиции парламентского большинства продолжались в течение 1914–1915 гг. и достигли высшей точки в соглашении, подписанном 25 августа 1915 года целым рядом партий Думы и Государственного Совета. Эта коалиция получила известность под именем Прогрессивного блока, а его создание стало вершиной думской деятельности Милюкова.

Программа Прогрессивного блока была достаточно эклектичной, и никто не рассчитывал, что достигнутое партиями соглашение будет прочным¹². Ни одна из партий, подписавших ее, не верила, что программу можно сразу полностью осуществить, особенно в военных условиях. Более важной была организационная победа Прогрессивного блока: впервые в Четвертой Думе сформировалось думское большинство, получившее мощную поддержку либеральных членов Государственного Совета. Оно намеревалось вести переговоры с властями о создании «правительства народного доверия».

Пока еще можно было ожидать какой-то либерализации Совета министров, Милюков твердо верил, что сотрудничество с правительством в военное время укрепит позицию кадетов в борьбе за конституционные реформы. Позднее, после того, как попытка либеральных министров прийти к соглашению с Прогрессивным блоком была

сорвана премьером Горемыкиным в августе–сентябре 1915 года, Милюков отказался от мысли лояльного сотрудничества с последовательно сменявшими друг друга правительствами Горемыкина, Штюрмера и Трепова. Однако курс на революцию он продолжал считать опасным и неустанно предостерегал своих партийных соратников и лидеров общественных организаций от крайних выступлений. Они, по мнению Милюкова, могли навлечь на Прогрессивный блок обвинение в отсутствии воли к сотрудничеству и спровоцировать ответные запретительные меры правительства. Милюков также поддержал решение думских кадетов заменить требование правительства, ответственного перед парламентом, более умеренным требованием «правительства, пользующегося народным доверием». На политическом банкете в Москве, 13 марта 1916 года, Милюкова спросили, как он совмещает эту формулу с программой кадетской партии, требующей установления парламентского строя. Милюков ответил:

Кадеты вообще — это одно, а кадеты в блоке — другое. Как кадет, я стою за ответственное министерство, но, как первый шаг, мы по тактическим соображениям ныне выдвигаем формулу — министерство, ответственное перед народом. Пусть мы только получим такое министерство, и оно силою вещей скоро превратится в ответственное парламентское министерство. Вы только громче требуйте ответственного министерства, а мы уж позаботимся, какое в него вложить содержание.¹³

Милюков был уверен, что итоги войны сделают положение царского правительства безнадежным и что победа русского либерализма, т.е. партии кадетов, будет полной и безусловной. На совещании думских кадетов в феврале 1916 года он сказал:

Правительство стремительно несется в бездну, и было бы вполне бессмысленным с нашей стороны открыть ему преждевременно глаза на полную нелепость его игры.

В донесении охранного отделения (февраль 1916)¹⁴ упомянуто, что, по мнению Милюкова, окончание войны потребует от государства чрезвычайных финансовых усилий, необходимые же средства можно будет достать только при помощи иностранных займов. В такой ситуации Дума станет всесильной и поможет нанести решающий удар по самодержавию. Без поддержки Думы правительство не сможет получить за границей ни копейки.

Оценивая выступления Милюкова в Думе, следует помнить, что в частных кругах он не переставал призывать к умеренности. Поэтому даже речь 1 ноября 1916 года нельзя считать призывом к восстанию. Обличения правительства и клевета по адресу самодержавной власти должны были восприниматься не как «штурмовой сигнал», а как заключительный пункт обвинительного акта против монархии. Дискредитируя существующий режим, Милюков надеялся ускорить исторический процесс, который, как он считал, должен был неизбежно привести к установлению в России конституционной монархии¹⁵.

Милюковские взгляды разделялись не всеми членами его партии и не всеми лидерами общественных организаций¹⁶. Будучи человеком волевым и упорным, к тому же сторонником строгой партийной дисциплины, Милюков сумел удержать в руках кадетскую парламентскую фракцию, но на многочисленных партийных совещаниях, особенно в Москве, он сталкивался с сильной оппозицией во главе с Н.В. Некрасовым и князем Львовым, которых поддерживали адвокаты Мандельштам и Маргулиес. Они решительно поддерживали революционный курс, утверждая, что партия должна искать непосредственных контактов с левыми группами, с массой. Левые кадеты, большей частью московские и провинциальные, работавшие в общественных организациях и знавшие настроения избирателей, опасались, что позиция Милюкова-конституционалиста не привлечет избирателей и что руководящая роль в оппозиции перейдет в следующей Думе от кадетов к социалистам.

Конфликт внутри кадетской партии не был разрешен до февраля 1917 года, не был разрешен и позже. До начала революции Милюкову удавалось держать верх над своими оппонентами, но с ее приходом сдерживающее влияние Милюкова упало, и его собственная партия не протестовала, когда он вынужден был выйти из Временного правительства. Далее мы увидим, что рост оппозиции внутри кадетской партии был отчасти обусловлен влиянием тайных масонских обществ, которые приобрели среди кадетов немало верных адептов.

§ 4. Рабочие группы военно-промышленных комитетов.

Своеобразной и очень важной особенностью военно-промышленных комитетов были так называемые «рабочие группы». Рабочим военной промышленности предложили послать делегатов как в губернские, так и в Центральный военно-промышленный комитеты. Это была новая для России и весьма политически сложная линия поведения в отношениях с рабочими. Фактически рабочие группы постоянно

действовали только в петроградском, московском, киевском и в Центральном военно-промышленных комитетах. Несмотря на это, роль, которую они играли в политическом круговороте, предшествовавшем Февральской революции, была чрезвычайно важна, и мы еще вернемся к ней в свое время.

Создание рабочих групп военно-промышленных комитетов было задумано и проведено в жизнь в 1915–1916 гг. Гучковым и Коноваловым в Петрограде и в Москве, а в Киеве — М.И. Терещенко. Текстильный магнат А.И. Коновалов еще до начала войны связался через большевика И.И. Скворцова-Степанова¹⁷ с революционными кругами и пытался организовать «информационный комитет» «всех партий и оппозиционных групп, куда вошли бы представители оппозиции, от октябристов до социал-демократов включительно, в тех видах, чтобы означенный комитет координировал все выступления, давал общие лозунги и т.п.»¹⁸.

Еще одна попытка координации была предпринята на московском совещании 6 января 1915 года, организованном социал-демократами. На нем присутствовали как большевики, например, Скворцов-Степанов, так и умеренные, патриотически настроенные социал-демократы интеллигенты, например, экономист С.Н. Прокопович, его жена Е.Д. Кускова и М. Горький. Совещание не смогло выработать приемлемой для всех линии. Не было единства даже в таких вопросах, как утверждение Думой военных кредитов. Но раскол внутри социал-демократического движения не менял его отношения к царскому правительству. Все социал-демократы, как и социалисты-революционеры, считали последний и решительный бой против царизма неизбежным. Они расходились, главным образом, в вопросах тактики и сроков.

Умеренные утверждали, что победа прусского милитаризма нанесет урон политической борьбе пролетариата. Они призывали использовать военную конъюнктуру для политической организации рабочего класса. Они осуждали призывы к немедленному революционному выступлению, считая их бессмысленным «вспышкопускательством». Безрассудные акции приведут только к ненужным жертвам и поставят под угрозу успех восстания после окончания войны, в момент демобилизации. Такая точка зрения находила поддержку даже среди некоторых большевиков.

Несмотря на это, всегда существовало крепкое ядро социал-демократов (как большевиков, так и меньшевиков), которые, следуя инструкциям, получаемым из-за границы от Ленина и Мартова,¹⁹ продолжали занимать непримиримую позицию в отношении войны, осуждать работу на военных заводах, называя ее «изменой делу

пролетариата», и настаивать на немедленных революционных действиях, независимо от шанса на успех и влияния на исход войны.

Поэтому, когда летом 1915 года инициаторы создания военно-промышленных комитетов предложили учредить внутри этой организации рабочее представительство, реакция двух главных течений рабочего движения была диаметрально противоположной. Большевики и другие социалисты-пораженцы (эсеры-максималисты, меньшевики-интернационалисты, петроградская Межрайонка и другие) были решительно против выборов в рабочие группы. Они обвиняли умеренных, которые одобряли рабочие группы, в том, что те стали лакеями империализма и хотят помочь тем, кто наживается на военных заказах, эксплуатировать рабочих. С другой стороны, большинство умеренных, или «ликвидаторов» (т.е. тех социал-демократов, которые настаивали на легальных, а не подпольных методах борьбы), соблазнила возможность организовать профсоюзное движение в большом масштабе с согласия и с помощью промышленников. Гучков и другие политически дальновидные деятели промышленности сулили рабочим организациям России блестящие перспективы. Шли предположения о созыве всероссийского рабочего съезда. Этот орган должен был избрать всероссийский рабочий союз, который, вместе с другими общественными организациями, сможет заменить дискредитированную царскую администрацию в управлении страной. Рабочим группам содействие Гучкова, Коновалова и Терещенко было на руку, хотя они и понимали, что такая связь потенциально опасна. Профсоюзы могли стать легальной базой борьбы за улучшение условий труда и быта рабочих, т.е. борьбы экономической, мирной. Но профсоюзы как основная форма политической организации рабочего класса были проклятием для большевиков, особенно для Ленина, который всегда обвинял их в измене делу революции, которая одна только и способна разрешить социальные проблемы. В глазах большевиков и других революционных экстремистов профсоюзы, особенно в той форме, которую хотели им придать «господа Гучков, Коновалов и К⁰», были новым воплощением зубатовщины.

Экстремисты поносили идею рабочих групп еще до того, как они возникли. Первое собрание выборщиков, назначенное на 29 сентября 1915 года, оказалось неудачным; было решено не приступать к выборам ни в Центральный, ни в губернские военно-промышленные комитеты. Присутствовавший там К.А. Гвоздев, делегат-меньшевик от завода Эриксона, протестовал в левых органах печати против допущенных на собрании злоупотреблений. Его протест был поддержан Центральным Военно-промышленным комитетом. 29 ноября состоялись новые выборы, и на этот раз несколько меньшевиков и социалистов-революционеров было избрано в Центральный

военно-промышленный комитет (всего десять человек, среди них Гвоздев и агент тайной полиции В.М. Абросимов). На том же собрании было избрано шесть представителей в петроградский военно-промышленный комитет (поровну от меньшевиков и социалистов-революционеров).

Спустя два дня после выборов, петербургский комитет большевиков выпустил листовку, обращенную ко «всем петербургским пролетариям», начинавшуюся словами:

Товарищи, совершилась измена. 29 ноября, под предводительством Гучкова, г-н Гвоздев и К⁰ инсценировали комедию выборов представителей петербургского пролетариата в Центральный и в петербургский военно-промышленные комитеты. Кучка изменников и ренегатов, действующих за спиной у рабочего класса, заключила темную сделку с буржуазией и предала классовую непримиримость и международную солидарность пролетариата за честь сидеть в мягких креслах военно-промышленного комитета под председательством Гучкова, прихвостня Столыпина, поддержавшего решение предать военному суду революционеров в 1906 году²⁰.

Кузьме Гвоздеву, руководившему рабочей группой при Центральном военно-промышленном комитете в Петрограде, приходилось сражаться на два фронта. С одной стороны, он должен был оказывать нажим на работодателей, защищая интересы рабочих, как в самом комитете, так и в Особых Совещаниях по обороне, где комитет был представлен. С другой стороны, он должен был отражать нападки большевиков и успокаивать колеблющихся рабочих, избравших его своим представителем.

Чтобы не поддаваться экстремистам, Гвоздев составил с друзьями общую инструкцию, формулирующую политические принципы, согласно которым представители рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете должны действовать. Эта инструкция, наряду с другими резолюциями, принятыми на собрании 29 ноября, отражала двойственность положения Гвоздева, а Департамент полиции считал ее доказательством тайного пораженчества и замаскированной политической подрывной деятельности. В полицейском донесении²¹ эта инструкция цитируется в таком виде:

Русское безответственное правительство, приняв участие в этой войне, в то же время вело и продолжает вести беспощадную войну с собственным народом, чем и привело страну на край разгрома. Мы заявляем, что виновником всех бедствий является безответственное правительство. Но мы считаем также необходимым заявить, что доля ответственности падает и на Государственную

Думу и на политические партии, составляющие ее большинство, которые в течение целого года поддерживают режим военной диктатуры и скрывают от народа правду.

Поэтому мы считаем очередной задачей ... борьбу за созыв учредительного собрания на основе всеобщего ... избирательного права, за немедленное осуществление всех гражданских свобод: слова, собраний, печати, союзов и коалиций, за отмену всех национальных ограничений, признание за всеми населяющими Россию народами права на национальное самоопределение, за немедленное переизбрание всех городских и земских учреждений на основе четырехчленной формулы, за широкое социальное законодательство, за 8-часовой рабочий день, за землю крестьянам и за немедленную амнистию по всем политическим и религиозным делам.

Ведя решительную борьбу за указанные требования, рабочий класс, как всегда, будет поддерживать всякий действительный шаг буржуазных кругов по пути раскрепощения страны, энергично критикуя в то же время всякую нерешительность, половинчатость и соглашательство либералов и толкая их на более решительную борьбу с режимом.

В соответствии с этой резолюцией рабочие, новоизбранные члены Центрального военно-промышленного комитета, сделали 3 декабря 1915 года заявление, которое цитируется в том же полицейском рапорте следующим образом:

Оценивая современное положение страны и условия спасения ее от внутреннего и внешнего разгрома, видя выход из тупика в коренной ломке режима, рабочий класс не может, не впадая в самообман и не обманывая народа, брать в настоящее время на себя ответственность за оборону страны. Точно так же не можем мы, рабочие, взять на себя ответственность за работу Центрального военно-промышленного комитета, который по существу является организацией крупно-промышленной буржуазии. Если, несмотря на такое отношение к деятельности Центрального военно-промышленного комитета и его местных организаций, мы решим все же принять участие в военно-промышленных комитетах, то единственно потому, что считаем своим долгом отстаивать в этих учреждениях наше понимание интересов страны и путей спасения ее от гибели, а также для того, чтобы энергично отстаивать интересы рабочих от всяких покушений на их завоевания и всячески содействовать организации рабочих.²²

Полицейское донесение придавало большое значение последнему пункту. В нем отмечалось, что военно-промышленный комитет предоставил рабочим группам возможность организоваться. Им отвели две комнаты и дали собственную телефонную линию в помещении комитета. Меншевик Богданов был назначен секретарем группы с месячным окладом в 250 рублей, были выделены средства для оплаты помощника секретаря, двух канцелярских служащих, фонд дорожных расходов, фонд, компенсирующий потерю заработка членами группы, а также средства на делопроизводство.

В таком составе рабочая группа сразу стала агитировать за созыв Всероссийского съезда рабочих, в чем, как известно, пользовалась поддержкой Центрального военно-промышленного комитета. Члены рабочей группы не выражали, кажется, особой признательности лидерам военно-промышленного комитета за их щедрость. Один из них заявил потом на совещании:

Нам ясно, что, создав Центральный военно-промышленный комитет, представители промышленности преследуют три цели: способствовать обороне страны, захватить постепенно в свои руки власть и набить свои карманы; интересы рабочего класса для них чужды; позвольте же и нам, избранникам рабочего класса, заняться сорганизованием рабочих и работой по обеспечению их нужд.²³

Лидеры военно-промышленного комитета продолжали, несмотря на это, поддерживать организационную и пропагандную работу рабочей группы под руководством Гвоздева, и 4 января 1916 года заместитель председателя Центрального военно-промышленного комитета Коновалов просил министра внутренних дел разрешить организовать рабочие собрания, в чем ему министр отказал.

Департамент полиции относился к рабочим группам с подозрением и считал их попытки организовать рабочее движение и действовать в защиту классовых интересов рабочих несоответствующими первоначальному уставу военно-промышленного комитета, который был утвержден Советом министров в августе 1915 года. Некоторые промышленники (например, заместитель председателя московского военно-промышленного комитета Третьяков) тоже были против образования рабочих групп и их претензий на защиту интересов рабочего класса. Однако энергичное вмешательство лидера московской рабочей группы Черегородцева, поддержанного Коноваловым, обеспечило образование московской рабочей группы на тех же началах, что и петроградская. В других городах (за исключением Киева) попытки провести выборы

рабочих представителей в военно-промышленный комитет не увенчались успехом, главным образом из-за того, что на выборных собраниях были приняты резолюции, носившие откровенно революционный характер. Так, в полицейских донесениях приводится резолюция от 26 февраля 1916 года, принятая на собрании в Самаре, в которой говорится:

Мы идем в военно-промышленный комитет не для того, чтобы ковать пушки, убивать товарищей немцев, мы считаем это одинаково вредным как для себя, так и для других воюющих с нами, почему война должна прекратиться без аннексий и контрибуций, и предъявляем свои требования: 1) государственное страхование рабочих; 2) конфискация всех земель удельных и помещичьих в пользу крестьян; 3) отделение церкви от государства; 4) восьмичасовой рабочий день; 5) свобода стачек, союзов, печати, неприкосновенность личности; 6) всеобщая амнистия; 7) демократическая республика.²⁴

Как мы убеждаемся, полиция прекрасно знала о пораженческих и революционных настроениях рабочих, для которых Гучкову удалось добиться представительства в военно-промышленных комитетах. Ниже мы увидим, что через своего агента в Центральном военно-промышленном комитете Абросимова охранка поощряла и поддерживала пропаганду пораженчества и революционную агитацию среди рабочих.²⁵ Возможно, это попустительство согласовывалось с планами министерства внутренних дел — скомпрометировать и потом предать суду не только рабочие группы, но и тех, кто настаивал на их учреждении. Однако окончательный удар по военно-промышленному комитету следовало отложить до окончания войны — то есть до тех пор, когда он станет не нужен.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВЕ 1

¹ Общественные организации были первоначально созданы для помощи правительству в уходе за ранеными и больными солдатами и гражданскими беженцами; впоследствии они взяли на себя разные обязанности, связанные со снабжением армии. Это были Союз земств (сельское местное самоуправление), Союз городов и, с лета 1915 года, местные и Центральный военно-промышленные комитеты.

² Последняя была сделана Столыпиным в июне 1907 года, когда была распущена Вторая Дума и издан новый избирательный закон, который ограничивал избирательное право, нарушая тем самым основные законы империи.

³ Депутаты социал-демократы не голосовали за кредиты, но ввиду того, что они покинули зал заседаний, считалось, что они не голосовали против.

⁴ Правовые доводы в защиту конституционного статуса обоих Союзов были представлены и в либеральной прессе, и в особой публикации объединенного комитета по снабжению армии.

⁵ Центральный военно-промышленный комитет находился в Петрограде, но его лидеры жили в Москве и поддерживали тесную связь с главами двух других организаций.

⁶ Центрархив. 1917 год в документах и материалах. Буржуазия накануне Февральской революции. — Изд. Б.Б. Граве, М.-Л., 1927, стр. VII и далее.

⁷ В циркулярном письме губернаторам от 1 сентября 1916 года, уведомляющем их о решении правительства не допускать съезда Союза земств и городов, последний царский министр внутренних дел писал, что меры для предупреждения съездов должны приниматься с тактом и не вызывать чрезмерного раздражения у общественных организаций, «ввиду важной и нужной работы, проводимой ими в настоящее время для нашей доблестной армии». — Центр-архив. 1917 год в документах и материалах. Буржуазия накануне Февральской революции. — Изд. Б.Б. Граве, М.-Л., 1927, стр. 154. (В дальнейших примечаниях — Граве...).

⁸ Трудовая партия, состоявшая из разных социалистов не-марксистов, включая тайных эсеров.

⁹ V. I. Gurko. Features and Figures of the Past. Ed. Sterling, Eudin and Ficher. Stanford University Press, 1939, p. 582.

¹⁰ Члены Первой Думы собрались в Выборге после роспуска в июле 1906 года и выпустили воззвание, призывавшее русский народ отказаться платить налоги и саботировать рекрутские наборы. Обращение дало осечку, и большинство подписавшихся судили и приговорили к краткосрочному тюремному заключению.

¹¹ На собрании кадетов. См.: Граве, ук. соч., стр. 61 и далее.

¹² Текст соглашения и программу в английском переводе см.: Sir Bernard Pares. The Fall of the Russian Monarchy. London, 1939, p. 171. См. наши комментарии к этому документу в § 6 главы 8-ой. — АРР, XVIII, стр. 109, 110.

¹³ См. Граве, ук. соч., стр. 94.

¹⁴ См. Граве, ук. соч., стр. 75.

¹⁵ См. ниже, гл. 10, § 2.

¹⁶ «Оборонческий» уклон милюковских нападок на режим не полностью отражает идеологию кадетов даже в период 1915–1916 гг. Есть основания предполагать, что наравне с сознанием, что они призваны осуществить конституционные перемены в России, чтобы обеспечить победу над внешним врагом, и вопреки этому сознанию, было среди них и идейное направление, которое невозможно определить иначе, как «патриотическое пораженчество», в отличие от «революционного пораженчества» большевиков и некоторых других социалистов. Сознание, что поражение в войне приведет к очищению застоявшейся политической атмосферы в России, было очень сильным. Как иначе объяснить, что в 1915 году в книге очерков профессора истории московского университета, видного члена партии кадетов,

А.А. Кизеветтера, внутреннее положение России в начале Крымской войны 1855 года охарактеризовано следующим образом:

«Война началась, и по мере ее развития гипнотическая сила колосса на глиняных ногах быстро стала слабеть. Казалось, что электрический шок ударил всю мыслящую Россию. Истинный патриотизм, которого так страшатся правители, отчужденные от народа, громко заговорил в душах лучших представителей народа. Они восприняли севастопольскую трагедию как искупительную жертву за грехи прошлого и призыв к возрождению. Искреннейшие патриоты возлагали надежды на поражение России внешним врагом. В августе 1855 года Грановский писал: «Известие о падении Севастополя расстроило меня до слез... Если бы я чувствовал себя достаточно хорошо, я бы присоединился к народному ополчению не потому, что я желал победы России, но потому, что я жаждал умереть за нее».

Параллель между настроением, преобладавшим в России в период Крымской войны, и чувствами интеллигенции в то время, когда печатались очерки Кизеветтера, не могли ускользнуть от внимания любого читателя в 1915–1916 гг. См.: А. Кизеветтер. Исторические отклики. Москва, 1915, стр. 191 и далее.

¹⁷ См. гл. 8, § 2.

¹⁸ См. Циркуляр Департамента полиции о плане Коновалова от 13 мая 1914 года, опубликованный в книге Ив. Меницкого «Революционное движение военных годов. 1914–1917». М., 1925, том 1, стр. 408 и далее, а также § 2 главы 8-ой настоящего тома.

¹⁹ Точка зрения Ленина хорошо известна из его статей в «Социал-Демократе» и других материалов, включенных в Собрание сочинений. Письмо Мартова о войне было опубликовано И. Меницким в указанном сочинении на стр. 174-179. Отметим двусмысленный комментарий Меницкого на стр. 179.

²⁰ Листовка была перепечатана в первом номере сборника «Социал-Демократ», издававшегося Лениным и Зиновьевым в Швейцарии. Она была доставлена туда Александром Шляпниковым, опубликовавшим в том же номере, под псевдонимом Беленин, отчет о деятельности большевиков за первые двадцать месяцев войны. Надо заметить, что большевики отказались принять новое название «Петроград», данное Санкт-Петербургу, считая его «урапатриотическим».

²¹ См.: «Рабочее движение в годы войны», опубликовано Центрархивом в серии «Материалы по истории рабочего движения» под общей редакцией Лозовского. Подготовлено к печати М. И. Флеером и напечатано в «Вопросах Труда» (М., 1925, 1926). В дальнейшем ссылки на «Флеер». Печатная записка Департамента полиции на стр. 274–275.

²² Флеер, стр. 277–278.

²³ Там же.

²⁴ Флеер, там же, стр. 284–285.

²⁵ См. ниже, гл. 9, § 7.